

МАВРОДИНСКИЕ ЧТЕНИЯ 2004

Актуальные проблемы
историографии и исторической науки

*Материалы юбилейной конференции,
посвященной 70-летию
исторического факультета
Санкт-Петербургского
государственного
университета*

Научная библиотека СПбГУ

1000737515

290528

81822-Д

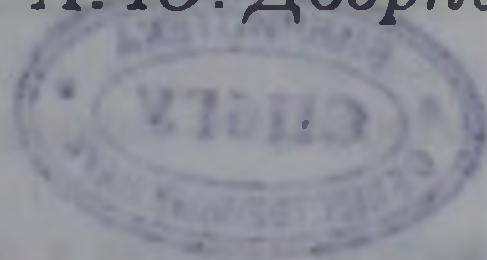
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

МАВРОДИНСКИЕ ЧТЕНИЯ
2004

**Актуальные проблемы историографии
и исторической науки**

**Материалы юбилейной конференции, посвященной 70-летию
исторического факультета Санкт-Петербургского
государственного университета**

Под редакцией проф. *А. Ю. Дворниченко*

ИЗДАТЕЛЬСТВО С.-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

2004

<i>Дружинкина Н. Г.</i> Историография петербургской церковно-приходской благотворительности второй половины XIX — начала XX в.	66
<i>Вахромеева О. Б.</i> Правовое положение женщин в России на рубеже XIX–XX вв.	68
<i>Шелаева А. А.</i> Николай II в контексте культуры серебряного века.	69

Новейшая история России

<i>Пянкевич В. Л.</i> Историографические проблемы социальной истории России XX в.	71
<i>Ерзин Э. А.</i> Преодоление мифов, штампов в новейшей истории России — актуальная научная проблема.	72
<i>Ходяков М. В.</i> Российский сепаратизм: анализ проблемы в новейшей историографии.	74
<i>Китанина Т. М.</i> Источниковедческое и историографическое изучение деятельности Особого совещания по обороне государства — чрезвычайного органа по регулированию экономики России в годы Первой мировой войны. 1915–1918 гг.	76
<i>Николаев А. Б.</i> Государственная дума и Февральская революция 1917 г. в новейшей отечественной историографии.	77
<i>Федоров М. В.</i> «Известия Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов» 1917 г. в отечественной историографии 1960–1970-х гг.	79
<i>Рачковский В. А.</i> Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 г. в историографии периода «оттепели».	80
<i>Смирнова А. А.</i> Меньшевики Петрограда в 1917 г.: проблемы изучения.	82
<i>Кобылко Л. Ю.</i> Основные тенденции в изучении английской дипломатической активности на территории России в 1917 г. в советской историографии.	84
<i>Хрисанфов В. И.</i> К вопросу о численности российской эмиграции «первой волны».	85
<i>Пученков А. С.</i> «Очерки русской смуты» А. И. Деникина: оценка в историографии.	87
<i>Ирошников М. П.</i> О некоторых вопросах изучения генезиса и трансформации советской государственности в России.	89
<i>Ратьковский И. С.</i> Историография покушений 30 августа 1918 г. на В. И. Ленина и М. С. Урицкого.	90
<i>Денисенко В. П.</i> Периодика Польши и России о культурном сотрудничестве в 1918–1921 гг.	92
<i>Кашеваров А. Н.</i> Взаимоотношения Советского государства и Русской православной церкви в отечественной историографии 1920–1930-х гг.	94
<i>Брачев В. С.</i> Первый декан истфака ЛГУ Григорий Соломонович Зайдель (1893–1937 гг.) ..	96
<i>Красникова О. А.</i> Картографические документы Полярной комиссии Академии наук (СССР)	98
<i>Барышников В. Н.</i> Этапы изучения советско-финляндской войны 1939–1940 гг. в отечественной историографии.	100
<i>Степанов А. С.</i> Советская военная авиация в советско-финляндской войне: итоги применения.	102
<i>Петров П. В.</i> Деятельность Исторической комиссии ВМФ по написанию труда «Советско-Финляндская война 1939–1940 гг. на море».	104
<i>Кулик С. В.</i> Характер нацистской пропаганды на оккупированной территории России (1941–1944 гг.)	106
<i>Ермолаева Ю. Н.</i> История культуры Якутии в современных исследованиях.	109
<i>Кутузов В. А.</i> Дискуссионные и малоизученные вопросы «Ленинградского дела».	110
<i>Исиналиева (Яговдик) М. И.</i> Историография изучения освоения целинных и залежных земель в Казахстане (1954–2000 г.)	112
<i>Полынов М. Ф.</i> Проблемы распада СССР в отечественной историографии.	114
<i>Тарасова Е. А.</i> Эволюция системы Советов в СССР — РСФСР — РФ (1988–1993 гг.) в отечественной историографии.	115
<i>Минкова К. В.</i> Отношения России и «Большой восьмерки» в новейшей зарубежной историографии.	117
<i>Петров Ал. В.</i> «Безотлагательный исторический анализ» и «русская история» (методологические и методические замечания).	118

Всеобщая история

<i>Фролов Э. Д.</i> Становление научной традиции и формирование кафедры античной истории в Петербургском университете.	121
<i>Егоров А. Б.</i> Гракханские реформы, историографическая традиция и проблема оценки.	123
<i>Кулишова О. В.</i> Древнейшие кумиры греческих богов: к проблеме античного фетишизма. ...	125

Э. Д. Фролов

СТАНОВЛЕНИЕ НАУЧНОЙ ТРАДИЦИИ И ФОРМИРОВАНИЕ КАФЕДРЫ АНТИЧНОЙ ИСТОРИИ В ПЕТЕРБУРГСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Становление любой научной школы — дело трудное и долгое. Примером, подтверждающим это общее правило, может служить история русской науки об античности и, в частности, история петербургской кафедры античной истории. Рождение в России науки об античности было напрямую обусловлено тем процессом модернизации и европеизации, который был открыт в начале XVIII в. петровскими преобразованиями. Цивилизационное преобразование выразилось в приобщении русского общества — тогда именно его дворянской части — к европейской культуре классицизма с его ориентацией на античное наследие, культом античного искусства, греко-римской мифологии и литературы, классических языков, греческого и латинского, а также античной государственности, в особенности великих монархий и их творцов Александра Македонского и Юлия Цезаря. На этой основе оказалось возможным научное занятие античной историей во вновь созданной в Петербурге Академии наук и в учрежденном в ее составе Академическом Университете.

Говоря более конкретно, первые шаги научного антиковедения в России в XVIII в. оказались связаны с ученой деятельностью академика и профессора Г.-З. Байера (1694–1738), которого и надо считать далеким прародителем современной русской науки об античности. Однако Байер не мог еще создать научной школы — для этого в России не было тогда еще надлежащих условий, поэтому во второй половине XVIII в. антиковедные занятия в России пришли в упадок.

Новый виток в становлении русского антиковедения был связан с новым культурным движением — явлением неоклассицизма на рубеже XVIII–XIX вв. В русле этого гораздо более широкого и живительного направления, культивировавшего интерес уже не столько к античному государству, сколько к гражданскому обществу древних греков и римлян, оказалось возможным более полное развитие науки о классической древности, более того — ее дифференциация на специальные отрасли истории, филологии, археологии, искусствознания. При этом если очагом классической филологии вновь стала Академия наук, а центром изучения греко-римского искусства естественно оказался Эрмитаж, то базисом для развития отечественных занятий античной историей стал вновь основанный (или воссозданный) в 1819 г. Петербургский университет.

Важнейшим моментом в интересующем нас плане было формирование Петербургской исторической школы, лидерами которой стали университетские профессора М. С. Куторга и Н. Г. Устрялов, заступившие в середине 30-х годов XIX в. соответственно на кафедры всеобщей, т. е. главным образом античной, и отечественной

истории. Что касается науки античной истории, то ее виднейшими представителями в XIX — начале XX в. были первоклассные ученые и педагоги, только что упомянутый М. С. Куторга (1809–1886), которого именно и считают родоначальником Петербургской исторической школы, затем Ф. Ф. Соколов (1841–1909) и его ученики В. В. Латышев (1855–1921) и С. А. Жебелев (1867–1941) и, наконец, Ф. Ф. Зелинский (1859–1944) и М. И. Ростовцев (1870–1952), чья ученая деятельность, начавшись в России, продолжилась и завершилась на Западе.

Надо, однако, заметить, что стремление правительственных верхов противопоставить развитию передовых, опасных для старого режима идей консервативный бастион в виде классического образования скомпрометировал последнее в глазах демократической общественности. Так или иначе, но блестящее развитие русской науки об античности было остановлено тем общим катаклизмом, который постиг Россию в начале XX в. Мощное демократическое движение, завершившееся невиданной по масштабу социальной революцией, сокрушило старый сословный порядок и господство дворянско-буржуазной верхушки, а с гибелью этой социальной среды рухнули также традиции классицизма и пришло в упадок выпестованное ими антиковедение.

После мучительной революционной ломки старой университетской и академической системы наступил наконец момент относительной стабилизации. В 1934 г. было восстановлено преподавание гражданской истории в средней школе, а в университетах воссозданы исторические факультеты с новой системой правильно организованных отраслевых подразделений — кафедр. С этого момента начинает свое существование и ленинградская/петербургская кафедра античной истории, или, как ее официально именуют, кафедра истории древней Греции и Рима. Ее строителями были крупные ученые новой формации: первоустроители, если так можно сказать, С. И. Ковалев (1886–1960) и С. Я. Лурье (1891–1964) и выступившие чуть позже (уже на исходе 30-х, а главным образом в послевоенные годы) К. М. Колобова (1905–1978), Д. П. Каллистов (1904–1973) и Н. Н. Залесский (1900–1984). Их деятельность была продолжена затем учениками Э. Д. Фроловым, Ю. В. Андреевым, Н. С. Широковой, Л. А. Пальцевой, А. Б. Егоровым. Общими усилиями этих трех поколений к началу 1970-х гг. прошлого столетия была построена современная система университетского преподавания и изучения античной истории.

В основе этой системы лежит гибкое сочетание общих исторических курсов (в частности, истории древней Греции и Рима) с продуманным богатым набором дисциплин специализации. Последние группируются в три блока — специальных исторических курсов (история эллинизма, Римской империи, античных государств Северного Причерноморья), курсов по истории античной культуры (греко-римской мифологии и религии, искусства и литературы, зрелищной культуры античного мира, греческого и римского права, античного христианства) и, наконец, вспомогательных дисциплин (греческий и латинский языки, греческая и латинская эпиграфика, археология, нумизматика и др.). К этому добавляется столь же продуманная система практик — архивной (в хранилищах академических институтов истории и археологии), музейной (в Античном отделе Эрмитажа) и археологической (в одном из центров античной цивилизации в Северном Причерноморье). Наиболее хорошо зарекомендовавшие себя выпускники кафедры, проявившие особый интерес к научным занятиям, продолжают обучение в аспирантуре. Главным видом итоговой самостоятельной научной работы студентов служат курсовые и дипломные сочинения, а для аспирантов — диссертационные работы. Естественным основанием для реализации этой учебной

программы является интенсивная научно-исследовательская работа самих сотрудников кафедры. Непрерывные публикации статей, монографий, сборников трудов проводимых кафедрой научных конференций — зримые вехи профессионального роста преподавателей и примеры для их учеников.

Конечно, деятельность современной кафедры античной истории проходит в условиях, сильно отличающихся от дореволюционных. Исчезла та социальная среда, которая была спаяна с культурой классицизма, самые традиции этой культуры ослаблены до сильнейшей степени и, соответственно, сокращены общественные опоры университетского антиковедения. Однако, с другой стороны, сильно расширившиеся гуманитарные занятия, исторические, филологические, философские, равно как и разного рода культурно-просветительские программы, реализуемые в музеях, театрах, библиотеках, делают востребованными специальные занятия античностью, доставляют импульсы, а временами и необходимую поддержку университетской науке античной истории. Таким образом, как это ни парадоксально, та же самая эпоха, которая отринула культуру классицизма в угоду революционному авангарду, а затем и вовсе убогому китчу, спонтанным развитием гуманитарной науки и прикладных искусств создает условия для плодотворных занятий столь, казалось бы, архаичным делом — изучением античности.

А. Б. Егоров

ГРАКХАНСКИЕ РЕФОРМЫ, ИСТОРИОГРАФИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ И ПРОБЛЕМА ОЦЕНКИ

Гракханские реформы стали первой серьезной попыткой выхода из кризисной ситуации конца II в. до н. э. и одновременно началом событий кризиса эпохи гражданских войн I в. до н. э. Несмотря на то, что теме Гракхов посвящена очень большая литература, целый ряд вопросов остается не до конца ясным и по сей день. Кроме того, проблема оценки реформ является одним из самых дискуссионных сюжетов римской истории.

Предметом дискуссии стали самые различные аспекты деятельности Гракхов: общие и конкретные причины выступления, планы, намерения и субъективные мотивы реформаторов, сущность большинства законов, хронология и последовательность законопроектов, причины поражения Гракхов, общая оценка их деятельности. Разумеется, данный доклад посвящен только самым общим вопросам этой дискуссии.

Уже античная традиция дает диаметрально противоположные оценки гракханских преобразований. Противники Гракхов открыто обвиняют их в стремлении реализовать собственные амбициозные планы, считают их беспринципными демагогами, нарушившими «нормальный» принцип подчинения народа воле сената, а иногда и открыто обвиняют их в стремлении к единоличной власти. Эти мнения, видимо, преобладали в современной Гракхам традиции средней анналистики, позже мы увидим их у эпитоматора Ливия, Веллея Патеркула и Флора. Интересно, что историография принципата продолжала развитие темы Гракхов как непосредственных виновников развязывания гражданской войны.